

— Катюша, ты не могла бы принести чаю? — робко попросил профессор Кряквин.

Катя Дронова, его жена и восходящая звезда отечественного прикладного искусства, изумленно уставилась на мужа.

Нет, в такой просьбе не было ничего особенного, если бы она исходила от кого-нибудь другого. Но профессор был настолько неприхотлив и скромн в быту, что в его устах это прозвучало так, как если бы какой-нибудь обыкновенный муж попросил на завтрак стейк антилопы канна под соусом из черных трюфелей. Или дижонский сыр с тушеным шпинатом и фуа-гра.

— Валек, ты здоров? — Катерина потрогала его лоб.

На этом лбу можно было зажарить тот самый стейк антилопы — до того он был горячим.

— Валек, немедленно в постель! — Катя перепугалась не на шутку. — У тебя температура не меньше сорока градусов!

— Сорок — это совсем не жарко... — пробормотал профессор, но закашлялся и послушно отправился в спальню.

— Вот до чего доводит самолечение! — бросила ему вслед Катерина и схватила телефон.

Дело в том, что профессор Кряквин был крупнейшим специалистом по Африке. Он изучал население Черного континента, культуру этого населения и его удивительные обычаи. Значительную часть жизни профессор провел на бескрайних африканских просторах и был принят в качестве полноправного члена в некоторые племена. Ничего удивительного, что когда под сырым петербургским небом у него начались насморк и кашель, Валентин Петрович прибегал к помощи традиционных африканских средств.

— Это лекарство я получил от верховного колдуна племени козюмбра, — бормотал он, растворяя в стакане с водой подозрительный бурозеленый порошок. — Оно непременно должно помочь. Здесь печень черного козла, яд змеи пуф-пуф и засушенные цветки колуханции прекрасной...

Судя по всему, африканскому средству, которое там, в местах обитания племени козюмбра, помогает от желтой лихорадки, зеленой лихорадки, геморрагической лихорадки Эбола и жуткой болезни под названием «черный кузнечик»,

не по силам оказалось сладить с обычной петербургской простудой, и дело дошло до высокой температуры.

И то сказать: в ноябре в Санкт-Петербурге ужасная погода. Целыми днями льет дождь, иногда с мокрым снегом. На асфальте этот снег немедленно превращается в грязную кашу, которую машины месят колесами. По мостовой изредка проезжают снегоуборочные машины и сбрасывают эту кашу с проезжей части на тротуар. Несчастливым пешеходам, словом, достается все сразу: ледяной ветер срывает шляпы и бросает в лужу, головы поливает кислотный дождь, ноги мокрые по колено, потому что никакая обувь не выдерживает наших петербургских луж. А ведь еще надо ступать осторожней, чтобы не поскользнуться и чего-нибудь не сломать. Да, и желательно крепче держать портфели и сумки, чтобы их не вырвали шустрые злоумышленники.

Так что профессор Кряквин вовсе не был исключением — в ноябре в Петербурге болеют все.

— Немедленно в постель! — повторила Катерина и набрала номер поликлиники.

Сначала она несколько минут слушала унылые гудки. Наконец гудки прекратились, раздался щелчок, и раздраженный женский голос проговорил:

— Подождите!

Трубку явно положили на стол, и тот же голос продолжил разговор, прерванный Катиным звонком:

— Представляешь? Рубашку ему чистую каждый день подавай — это раз! Завтрак чтобы горячий — это три! И когда он отдыхает, чтобы я ходила исключительно на цыпочках! Тоже мне, олигарх нашелся!

Кто-то невидимый сочувственно повздыхал, трубка брякнула, и голос вернулся к Кате:

— Поликлиника!

— Можно вызвать врача?

— Нельзя! — рявкнула особа, не желающая ходить на цыпочках. — Вы, дама, на часы смотрели? Вы раньше где были? Врача можно вызвать только с восьми сорока пяти до девяти ноль-ноль. Такие вещи знать надо.

— А если человек плохо себя почувствовал позже девяти ноль-ноль, что ему делать?

Вообще-то Катя была женщиной спокойной, всегда всем довольной и предпочитала ни с кем не портить отношения. Однако сейчас ее обожаемому мужу было плохо, а в такие минуты Катя превращалась в свою полную противоположность. За своего Валека она готова была бороться с целым взводом спецназовцев, что там какая-то тетка из районной поликлиники.

— Так что ему делать, ползти на кладбище? — Катерина начала закипать.

— Необязательно на кладбище, — огрызнулась особа, — можно в крематорий.

— А можно с вашим начальником поговорить? — процедила Катя, с трудом сдерживаясь.

— По вашему голосу, дама, непохоже, что вы больны, — не сдавалась собеседница. — Успокойтесь, вы совершенно здоровы.

— А я и не говорю, что больна! — Катя повысила голос.

— Тогда зачем вам врач? Что вы время у занятых людей отнимаете?

— Врач нужен не мне, а моему мужу профессору Кряквину!

Услышав насчет профессора, собеседница неожиданно смягчилась и почти сочувственно поинтересовалась:

— Температура какая?

— Сорок и две десятых! — выпалила Катя. Десятые всегда придают вранью убедительность.

— Ладно. — Особа пошелестела бумажками и милостиво изрекла: — Ждите, будет врач.

Катя положила трубку, перевела дыхание и устремилась в спальню, чтобы проверить, как там Валек.

Профессор, прикрыв глаза, лежал на кровати. Лицо его пылало, как племенной костер сенегальских охотников. Маленький, высохший от тропического солнца — от острой жалости к нему у Кати на какую-то минуту даже заболело

сердце. Она под села к мужу, подоткнула одеяло, проверила лоб. Неужели стал еще горячее?

Валентин Петрович приоткрыл глаза и слабым голосом проговорил:

— Катюша, так как насчет чая?

— Ах да, чай! Сейчас принесу. — Катя поправила подушки. — Скоро придет врач, и все будет хорошо.

В эту самую секунду в дверь позвонили.

Катерина вскочила и помчалась на звонок. По дороге она едва не своротила статую африканского бога плодородия и чучело черной пантеры, подаренное профессору шаманом племени юк-юк.

Профессор Кряквин много ездил по свету. Свою любимую Африку он изъездил вдоль и поперек, от Марокко до Кейптауна и от Сомали до Сенегала, а еще ввысь и вглубь — он видел пески Сахары, снега Килиманджаро и пещеры Чинхойи. Профессор изучал население Черного континента и был знаком с бедуинами в пустынях и с пигмеями в джунглях. Аборигены его любили и всегда дарили на память какие-нибудь сувениры. Африка — просторная страна, это вам не густонаселенная Европа, где повернуться негде. Нечего удивляться, что африканские друзья дарили профессору крупные подарки, и он все принимал, чтобы не обижать хороших людей.

Так в коридоре его квартиры скопилось мно-

жество экзотических вещей. Первое время Катя боялась этих чучел и масок, особенно в темноте, но потом привыкла. Даже научилась не ронять ценные экземпляры и не наткаться на них.

Она распахнула дверь.

На пороге стоял крупный, довольно полный мужчина с маленькими, подозрительно блестящими глазками и коротко стриженными курчавыми волосами. Одет он был в серый плащ, разумеется, мокрый: на улице шел дождь.

— Здравствуйте, доктор! — Катерина посторонилась и пропустила курчавого в квартиру. — Надо же, как вы быстро! В вашей поликлинике вообще сначала сказали, что уже нельзя вызвать врача, но когда узнали, какая у Валека температура...

— В поликлинике? — удивился курчавый. — Ах да, в поликлинике! Конечно, в поликлинике... А где же наш больной?

— Вон там. — Катерина кивнула на дверь в дальнем конце коридора. — А разве вы не снимете плащ?

— Я его там сниму, — стал упираться доктор, — у меня там кое-что нужное. А как у вас интересно...

Он начал было оглядываться, но Катяглянула на него сердито: мол, человеку плохо, а вы тут экскурсию устраиваете. Доктор застыдился и устремился к больному.

В комнате он сбросил плащ на спинку стула, подсел к профессору и уставился на него с явным интересом.

— Ну-с, — проговорил он наконец, — что же у нас болит? На что же жалуемся?

— Он простужен, — немедленно вмешалась Катя. — Высокая температура, кашель...

— Вот как? Очень интересно.

Врач резко поднялся.

— А где у вас, хозяйка, ванная комната? Я хотел бы вымыть руки.

— Да, конечно! — Катерина бросилась к двери. — Это вон там, рядом с той деревянной маской!

— Ага. — Врач скрылся за дверью.

Он отсутствовал довольно долго, Катя уже хотела идти на разведку, чтобы убедиться, что доктор не утонул в просторной профессорской ванне. Наконец он вышел и вернулся к больному.

Он осмотрел профессора, заставил его сказать «а» и повернулся к Катерине:

— Что ж, случай довольно обычный. Принимайте жаропонижающее и антигриппин. Обязательно обильное питье плюс домашние средства: малиновое варенье, мед — вы все сами знаете.

С этими словами он поднялся и схватился за плащ, который повесил на спинку стула.

— Скажите, а другого выхода в вашей квартире нет? — спросил он уже в коридоре.

— Другого? — вытаращилась Катя.

— Именно, другого. У меня, понимаете, еще один больной в вашем дворе. Так вот, нельзя ли как-нибудь так от вас выйти, чтобы прямо во двор? Чтобы не обходить?

— Ах да! — сообразила Катя. — Есть черный ход, конечно. Идемте в кухню, это там. — Она повела врача в другой конец квартиры.

«Странный какой-то доктор, — думала она, запирая за ним дверь черного хода. — Никаких инструментов, даже стетоскопа нет! Как же он прослушал Валека без стетоскопа?»

Впрочем, развивать эту мысль она не стала. Нужно было вернуться к мужу, чтобы проверить его состояние и решить, можно ли оставить его без присмотра и сбегать в аптеку.

На этот раз Валека лежал с открытыми глазами. Увидев жену, он хрипло вздохнул, скромно кашлянул и слабым голосом спросил:

— Катюша, так все-таки как насчет чая?

— Ах да, чай! — спохватилась Катя и направилась на кухню.

Но именно в этот момент зазвонил телефон.

Звонила лучшая подруга Жанна Ташьян.

— Катерина, — сурово начала она, — надеюсь, ты не забыла, что мы с тобой сегодня идем по магазинам?

Жанна была преуспевающей деловой женщиной, работала нотариусом. Вечно занятая по горло, она тем не менее все успевала: и вести дела клиентов, и выглядеть отлично, и одеваться дорого и со вкусом. Правда, еще одна их подруга, Ирина, тихонько говорила Кате, что вкус у Жанки весьма специфический, чего стоят одни ее ярко-красные костюмы вызывающего вида. Хотя та же Ирина признавала, что их темпераментной черноглазой подруге красное, конечно, идет.

Но, несмотря на многолетнюю дружбу, Жанна никак не желала принимать Катерину такой, какая есть, и все время пыталась ее перевоспитать. Она утверждала, что Катя рассеянная, разболтанная, невнимательная и просто ленивая. От лени она не может работать, как все, а вечно ищет себе оправдание. От лени же и одевается хуже домработницы, потому что покупает в магазинах не то, что нужно, а то, что попадется под руку.

В конце концов, Жанна решила, что словами делу не поможешь, и сама время от времени выгуливала Катерину по магазинам — когда ей казалось, что пришла пора обновить гардероб.

Как раз сегодня Жанна выкроила время для такого похода, потому как была уверена, что давно пора приодеть Катерину к зиме. Прекрасно зная о Катькиной забывчивости, она позво-

нила заранее — и вот пожалуйста, сразу ясно, что поход сегодня не состоится.

— Понимаешь, Жанночка... — жалобно начала Катя.

— Даже слушать ничего не хочу! — мгновенно вскипела Жанна. — Я отменила завещание и дарственную и перенесла на завтра куплю-продажу, а ты знаешь, что это значит? Клиент может передумать или вообще обратиться к другому нотариусу!

— Извини, сегодня никак не могу. — В голосе Катерины слышалась не свойственная ей твердость. — Валек болен, температура высокая...

— Так накорми его антигриппином или чем там еще — аспирином, анальгином, в конце концов. Катька, очень уж ты над ним трясешься, он же не маленький ребенок у тебя!

— Ему плохо, как ты не понимаешь? — возмутилась Катя. — Я не могу его оставить в таком состоянии.

— От этих мужей одни неприятности, — заворчала Жанна, когда стало окончательно ясно, что на этот раз Катька не уступит. — Вот что хорошего ты от него видела? То в своей Африке проторчал чуть ли не полтора года, то жену черную оттуда притащил, то...

— Извини, Жанна, мне нужно срочно в аптеку! — И Катя поскорее повесила трубку.